

Сергей Тармашев
Ареал. Умри красиво

Ареал, Зеленая Зона, сектор группировки «Наемники», плантации Синьки, 6 километров 5 метров от границы с Нейтральной территорией, 27 апреля 2012 года, второй день «нелетной погоды», 14 часов 35 минут, время местное.

Беснующаяся птичья стая вновь пошла в атаку, стремясь обойти огневые точки ПВО на недостижимой для зарядов дробы высоте, и грузный немолодой человек в камуфляже с полковничьими погонами коснулся гарнитуры портативной радиостанции:

— Я — «Лиман»! Всем расчетам ПВО — максимальная плотность огня! Огнеметы к бою, сейчас зверьё опять поперет! Минометной батарее приготовиться к ведению заградительного огня!

Полковник поднес к глазам бинокль и несколько секунд разглядывал визжащую стаю численностью не менее трехсот особей, кишащую кривыми клювами и заскорузлыми когтями. Кипящее яростью живое облако мутировавших пернатых, покрытых хитиновой чешуей вперемешку с торчащими из-под неё пучками перьев, рвалась к плантациям напролом, не обращая внимания на потери. Почти три десятка вооруженных длинноствольными дробовиками стрелков непрерывно опустошали магазины, посылая в стаю сотни зарядов дробы, и свинцовые потоки выгрызали в визжащем облаке полуметровые дыры, швыряя на землю бьющиеся в предсмертных конвульсиях окровавленные тушки. Полковник поморщился. Да что такое происходит сегодня с этим зверьем?! С самого утра наперегонки лезут на верную смерть, уже шестую атаку отбиваем! Абсолютно нехарактерно для «нелетной погоды»...

Он перевел взгляд на топорщащуюся вдали кромку растительности, начинающейся в семи сотнях метров от линии траншей. Пространство, лежащее между зеленой и крытыми укреплениями, было перепахано раскаленным металлом на добрый метр в глубину и густо усеяно воронками. Бои на подступах к плантациям вспыхивают постоянно, едва персонал Сепарирующего Комплекса приступает к сбору Синьки. Стоит только сборщикам накопить в одном месте больше, чем пятьдесят килограмм этой синюшной гадости, как из глубины Ареала начинает лезть обозленное на весь мир зверьё. И чем больше Синьки собрано, тем яростнее и многочисленнее становятся атаки. За полгода непрерывных боев нетронутая поверхность земли осталась здесь только в местах залегания аномалий, и теперь там можно запросто ходить без УИПа, островки неповрежденной почвы видны издалека. Только лично он бы не рекомендовал никому этим заниматься. Там, в перепаханной земле, лежит столько неразорвавшихся минометных мин, гранат и снарядов, что никаких взрывотехников не хватит. Умнее всего просто туда не соваться.

Кромка кустов дрогнула, и из неё хлынули толпы мутировавшего зверья. Уродливые твари, поблескивая на солнце ядовитым токсином, пропитывающим мощные когти, сплошным потоком рвались к плантациям, стремительно заполняя собой перепаханную металлом поверхность земли. В любом другом месте при такой интенсивности атак всё зверьё давно уже бы закончилось подчистую, но только не здесь. Эта дрянь в Ареале плодится с невероятной скоростью, и никто, как водится, не знает, где, как и почему. Полковник вновь коснулся гарнитуры:

— Минометной батарее — огонь! — Он прикинул к биноклю, ожидая первой серии разрывов.

Звуки минометных выстрелов почти не пробивались через толстые бетонные стены командного пункта, батарея была надежно врыта в землю, как было врыто в землю всё в Ареале, что желает пережить Выброс. Траншеи, огневые точки и ходы сообщений изначально отрывались крытыми. В нужных местах они оснащались широкими люками, крышки которых откидывались вверх-назад для удобства ведения огня по летящим целям или вентиляции. Полковник криво усмехнулся. Живем в этом долбаном Ареале, словно дождевые черви, выползаем на поверхность после Выброса, как после дождя, и при малейших сомнениях в ужасе заползаем обратно.

Вдали взметнулась вверх стена разрывов, расшвыривая во все стороны разорванное в куски зверьё, и спустя пару секунд ветер донес до бункера грохот рвущихся мин. Минометчики отработали четко, за несколько секунд проредив атакующий поток монстров на треть. Действия по отражению таких нападений давно уже отшлифованы до автоматизма, и полковник с удовлетворением наблюдал, как минометная батарея, отработав по дальним подступам, оперативно перенесла огонь на двести метров ближе, после чего прекратила обстрел. Теперь визжащими от переполняющей их жажды человеческой

крови мутантами займутся пулеметные гнезда, а то, что останется от бешеного звериного потока, выжгут огнемётчики. Очередная атака будет отбита, и в ожидании следующего нападения расчеты примутся срочно перезаряжать оружие и пополнять боекомплект. Но стрельба на оборонительных рубежах не стихнет ещё долго — снайперы будут добивать подранков, находящихся на расстоянии видимости. Не хватало ещё вновь привлечь сюда Унка, упаси господи.

Полковник невольно перекрестился. Он командовал обороной плантаций почти восемь месяцев и занял эту должность ровно спустя пять минут после того, как очередная успешно отраженная атака закончилась крайним появлением Унка. Как его проглядели наблюдатели — до сих пор загадка. Тепловизоры, «Филины», приборы ночного видения, как выяснилось, его попросту не замечают, так как он холодный. Маленькая нежить оказалась настолько быстрой, юркой и гибкой, что заметили этого жуткого монстра лишь тогда, когда было поздно. Чудовищный монстр влез в КП прямо через распахнутый люк, в который в тот момент был выставлен наблюдательный перископ. Десять человек, в том числе его предшественник, лишились жизнью за секунду. Командный пункт пришлось накрыть минометным огнем, только тогда Унк убежал, и лично он, Лиман, до сих пор абсолютно уверен в том, что это была большая удача. Если бы этой жуткой твари взбрело в голову рвануть не к лесу, а в другую сторону, к плантациям, жертвы могли исчисляться десятками, как это произошло через полтора месяца.

В тот день из зарослей вместе с привычным потоком зверья неожиданно появился мутировавший медведь, хотя в окрестных лесах давно уже не было замечено ни одной особи. Откуда он взялся — не понятно, но остановить его оказалось нечем. Взбешенное чудовище прорвалось за обе оборонительных линии и быстро достигло плантаций, где устроило настоящую мясорубку. Все попрятались, кто куда, и, пока Военный Совет в экстренном порядке выпрашивал у РАО поддержку с воздуха, разъяренный медведь задрал почти полсотни человек. После по всему сектору бродила мрачная шутка, мол, кто не спрятался, я не виноват... Сателлит прислал вертушку с ПТУРСами только спустя час, но убить монстра вертолетчики так и не смогли. Спасибо, хоть отогнали обратно в лес. После того случая командование срочно закупило у РАО три противотанковых орудия, которые с тех пор стоят здесь, на второй линии оборонительных рубежей, в специально отстроенных капонирах. Стрелять им ещё ни разу не пришлось, и полковник был этому несказанно рад.

Остатки звериной атаки, густо заляпанные кровью разодранных минометно-пулеметным огнем сородичей, добрались до первой линии траншей и потонули в струях пылающего напалма, превращаясь в быстро гаснущие чадающие костры. Ареал огонь не особо жалуется, большое пламя гаснет стремительно, и остается радоваться, что этого времени хватает для убийства разъяренных тварей. Хотя многие из них, потеряв боеспособность, всё-таки не успевают поджариться насмерть, и их приходится добивать, и желателно поскорее, в силу изложенных выше причин. Полковник скривился. Мы ни черта не знаем о своем противнике и потому боремся со следствием, а не с причиной. С таким незамысловатым подходом можно воевать вечно. Чего ни коснись, ответ один: «а кто его знает». Почему мутанты плодятся быстрее тараканов, где их норы, логова или кладки, плевать, как это называется, главное — куда нанести удар, чтобы прекратить всё это в зародыше или хотя бы приостановить? Почему сбор Синьки провоцирует лютое бешенство у зверья, почему появился Зуд и как от него избавиться, чем отбиваться от Унка? Почему ПТУРСы больше не берут медведя, почему медицинские препараты резко утратили эффективность, и чего ещё ждать от Ареала... Почему, почему, почему.

Полно вопросов, ни одного ответа. Этот ЦИАП РАО ничего не делает для этого самого «изучения аномальных проявлений». Военный Совет Наёмников всерьез размышляет над тем, а не создать ли собственный исследовательский центр, может, от этого будет хоть какой-то толк. Всегда считалось, что подобные изыскания стоят немислимых средств и потянуть такое может только государство. Но вон, ОСОП как-то безо всякой помощи ухитрился добиться серьезных результатов. Их медикаменты по сравнению со стандартными просто чудеса творят, не говоря уже о том, что они наладили оповещение о Выбросе. Этому и вовсе цены нет. А как грамотно ОСОП это организовал! Разведки всех без исключения группировок больше месяца не могут не то что найти, но даже засечь их передатчик. Откуда люди Медведя узнают о надвигающемся Выбросе заранее — это вообще загадка загадок. Вот и спрашивается, не пора ли и нам раскошелиться на что-нибудь научное. Жаль, что не все

это понимают. Если дело дойдет до сбора средств, многие подразделения откажутся принимать участие в финансировании, это как пить дать. И Военный Совет не пойдет на обострение обстановки внутри группировки, что и понятно.

— Товарищ полковник, атака отбита, снайперы чистят местность, — к нему подошел один из офицеров. — Что-то сегодня зверьё совсем уж бешеное, прёт прямо на стволы, словно камикадзе. Может, эпидемия какая-нибудь? Все-таки сегодня второй день «нелетной погоды»!

— Может, и эпидемия, — согласился полковник. — Шесть атак, и хоть бы одна тварь повернула назад! Не помню я такого. Что у сборщиков? Когда у нас начнется главная головная боль?

— Только что сообщили — через час начинают формирование каравана! — ответил тот.

— Через час? — полковник посмотрел на часы. — Значит, у нас будет минут тридцать на отдых. Огневые точки перезарядиться и доложить о готовности. Бронегруппе начать выдвижение к грузовикам, все подвижные ёмкости должны быть распределены среди боевой техники ещё до начала погрузки! Поддерживайте связь с вертушкой, она должна быть готова подняться в воздух немедленно, так что пусть вытаскивают её из ангара. Выполняйте!

Офицер козырнул и покинул бетонную коробку КП. Полковник последовал за ним, и охрана командного пункта принялась закрывать бронезаслонками люки и бойницы. Второго визита Унка не желал никто, всерьез относиться к инструкциям по борьбе за живучесть в Ареале людей заставлять не приходилось.

Покинув блиндаж КП, полковник прошел с десятков метров по добротному отрытому ходу сообщения, перекрытому старой потолочной плитой, и добрался до ближайшего выхода на поверхность. Часовой у лестницы распахнул перед начальством крышку люка, и офицер бодро взобрался вверх по ступенькам. Да уж, Ареал не то место, которое расслабляет, усмехнулся он про себя, поневоле будешь в форме! А ведь ещё пару лет назад подчиненные замечали его пузо задолго до того, как остальное тело полковника входило в помещение. Зависимость изменила всё, в одно мгновение превратив привычную жизнь в ад. А ведь он всего лишь на семь шагов зашел внутрь Ареала, когда проводил инспекцию своего батальона, откомандированного на охрану спасательных бригад МЧС. В тот момент о Зависимости ещё никто не знал...

Ладно, черт с ним, что было, того уже не вернуть. Полковник не любил вспоминать прошлую жизнь, тут новая не дает соскучиться. Помыкаться тогда пришлось вдоволь, чего только не довелось пережить: нудное и безрезультатное лечение, вечный Полтергейст, преследующий тебя повсюду, развод, наполненные страхом глаза семьи, спешащей оказаться от тебя подальше, гонения, быстро переросшие в геноцид, и всепоглощающий Зуд, увеличивающийся с каждым Выбросом... В итоге он, как и двадцать тысяч других бедолаг, вновь оказался в Ареале, в ужасающих нищенских условиях, когда приходилось бороться не только за кусок хлеба и глоток воды, но даже за отрытую чуть ли не руками яму, служащую тебе одновременно и постелью, и домом, и убежищем от Выброса. Но сдаваться полковник не привык и в итоге собрал тех своих бывших подчиненных, кто ещё оставался в живых, и сколотил из них собственный отряд. Методом проб и смертельных ошибок им удалось раздобыть оружие на складах погибшей под Катаклизмом воинской части, а дальше дело медленно пошло в гору. Полковник навел порядок на отдельно взятом гектаре Зеленой Зоны, пленные накопили землянок, позже вырыли блиндажи, создали какой-никакой быт. Позже он наладил связь с группировками, расположившимися в близлежащих окрестностях. Половина из них оказалась откровенно бандитствующими вооруженными формированиями, и дело быстро дошло до кровопролитных стычек. Полковник одержал несколько побед и заработал себе определенную репутацию. Как раз где-то в этот момент государство возродило РАО «Ареал», и Зеленую Зону окружили Приемные Пункты, впервые за несколько месяцев наладившие поставки воды и пищи в неограниченном объеме.

Вот только цены на всё это добро оказались сродни космическим. Чтобы прокормиться, жителям Ареала приходилось полностью посвящать себя добыче «Икса», а какой с военного нефтяник?! В общем, вопросы выживания быстро заставили бывших военнослужащих МВД, ВВ и Минобороны объединиться, и вскоре разрозненные подразделения основали единую группировку со своими законами. Зарплаты, продуктовые карточки, подземные квартиры и прочие посулы Сателлита привлекли далеко не всех, многие посчитали это узаконенным рабством, и вскоре вновь созданная

сила, прозванная сталкерами «Наемники», приступила к налаживанию своей жизни согласно принципу «помоги себе сам». Подразделения заключали контракты со всеми желающими на охрану, оборону или нападение, и данные виды услуг оказались на местном рынке более чем востребованы.

Группировка быстро окрепла и превратилась в серьезную силу, с которой вынуждены были считаться все, от уголовных банд до проправительственного Сателлита. Немалую роль в этом сыграли два фактора: Наёмники не брали к себе гражданских лиц, работая только с профессионалами своего дела, и всегда выполняли предусмотренные контрактом обязательства, даже если это оборачивалось гибелью всего подразделения. А профессионализм и несокрушимая репутация в таком месте, как Ареал, свидетельствуют о многом. Умные люди быстро смекнули, что лучше переплатить, но получить в деловые партнеры умелых и подготовленных специалистов, которые гарантированно сохранят твою жизнь либо отберут жизнь твоего врага, нежели сэкономить и получить пулю в случае, если «что-то пошло не так». В общем, полковник вместе со своим подразделением вступил в группировку одним из первых и с тех пор ни разу об этом не пожалел.

— Товарищ полковник! — его личная охрана уже была на поверхности, ожидая своего командира возле стоящего неподалеку старенького БТР-50, который полковник приспособил в качестве своей КШМ. — На броне опять движок барахлит! Еле запустили!

— Скажи механику-водителю, пусть едет в ремзону! — приказал полковник. — До каравана дойдем пешком, там бронегруппа, места всем хватит. Чтобы завтра моя КШМ была на ходу, иначе я лично обменяю механика на новую движку!

— Да кто ж его возьмет?! — усмехнулся крепкий рослый боец со знаками различия прапорщика, возглавлявший полковничью охрану. — Он же у нас, как неуловимый Джо, на фиг никому не нужен!

Пятерка вооруженных до зубов бойцов захохотала, и полковник вперил грозный взгляд в осторожно выглядывающего из БТР механика-водителя. Тот всё понял и спешно скрылся внутри, дабы не гневить высокое начальство. Броня, чихая двигателем, укатила в сторону ремзоны, и полковник кивнул охране. Бойцы окружили своего командира, и группа направилась в тыл оборонительных сооружений, за которыми простирались плантации. Время от времени впередиидущий сверялся с УИПом, делая это практически машинально. Все аномалии на плантациях были обнаружены и обнесены вешками ещё к вечеру первого дня после Выброса, но осторожность не помешает. Ареал никогда не дает гарантий, и необходимость сверять каждый свой шаг с укрепленным на предплечье прибором быстро становится рефлексом.

Идти предстояло порядка километра, и полковник решил двигаться напрямик, по кратчайшему расстоянию, держа курс на копошащихся вдали людей. Несколько гектар земли в этом районе были тщательно вычищены от деревьев и кустарников и покрыты густой травой. На этой площади находилось главное сокровище Наёмников — почти шестьдесят колоний Синьки, маленького, противного и очень кровососущего насекомого, представляющего собой синюю плоскую блямбу, любящую выгрызть из кожи подвергшегося укусу человека крохотный кусочек кожи, из-за чего ранка долго не заживает... А ещё эта мелкая гадость является основным компонентом проекта «Ваниль», в неволе не размножается, и от её регулярных поставок зависит едва ли не половина всей отечественной оборонки и не только. Сейчас один литр «Икса» идет к литру собранной Синьки по курсу два к одному, и цены продолжают расти. Это было бы золотым дном для каждого обитателя Ареала, если бы не одно «но».

Собранная для переработки Синька притягивает мутировавшее зверье похлеще, чем притягивал бы идущих по улице людей миллион долларов, рассыпанный по асфальту мелкими купюрами, на которые надвигается ничего не подозревающая очистительная техника. Пока Синьку собирают специальными пылесосами, имеющими десятилитровые емкости, ещё куда ни шло, окрестные мутанты заметно нервничают, но не нападают. Но стоит начать наполнять ею транспортировочные баллоны, как зверье становится бешеным и бросается в атаку отовсюду. И чем больше Синьки сосредоточено в одном месте, тем яростнее натиск мутантов. Опытным путем, стоившим немало крови, удалось определить, что максимальное количество собранного в одну тару биологического материала, не вызывающего немедленной атаки, это пятьдесят литров Синьки. С той поры для этих целей применяют пятидесятилитровые емкости, специально изготовленные за пределами Ареала.

Это решение позволило существенно снизить частоту конфликтов и количество потерь, но основная проблема никуда не делась: когда приходило время грузить заполненные Синькой ёмкости на транспорт для вывоза на Нейтральную территорию, вся эта собранная синюшная гадость оказывалась в одном месте, и кровожадная ярость мутантов зашкаливала до небес. В конце концов, Военный Совет сумел найти компромисс между всеми подразделениями группировки, в результате чего появились официальные плантации и их оборонительные рубежи. Поначалу эта затея едва не привела к серьезному расколу группировки — первый широкомасштабный сбор Синьки закончился массивной атакой разъяренных мутантов и мгновенно превратился в кровавую мясорубку. Потери составили до двух рот убитыми и ранеными, абсолютно все емкости с Синькой, которую тогда ссыпали в обычные автоцистерны, были разрушены зверьем, биологический материал вырвался на свободу.

За вторую операцию по сбору Синьки долго никто не хотел браться, командиры подразделений отказывались губить своих людей и, соответственно, собственную власть и возможности. Военный Совет потерял хрупкое единство, и подразделения сосредоточились на работе по частным контрактам — занятие привычное и понятное каждому. Вот тогда с полковником связался один из полевых командиров, радиопозывной «Рубин», и сделал очень дерзкое предложение. Немолодой Рубин до Зависимости был подполковником УФСИН, вышедшим в запас незадолго до Катаклизма. Крайние десять лет он прослужил в непосредственной близости от Ухты, в спецназе УФСИН, отвечал за подавление бунтов в колониях и срочном перехвате беглых эков, и в отличие от многих других имел достаточно обширные познания о природе Ареала, а также кое-какие связи среди местных жителей. Подразделение, которое собрал Рубин после того, как Зависимость загнала его обратно в Ареал, в кратчайшие сроки стало одним из наиболее крупных в группировке, и полковник Лиман счел разумным отнестись к его предложению очень внимательно. Тем более что Рубин предлагал, ни много ни мало, возобновить эксплуатацию плантаций Синьки силами лишь их двух подразделений.

— Людей у нас хватит, — уверенно заявил Рубин в момент первичных переговоров. — Надо только подойти к этому делу с умом! Будем расфасовывать Синьку по малым емкостям, затем собирать их в небольшие группы и сразу увозить на Нейтралку под усиленной охраной. Здешнее зверье остро чувствует силу и количество стволов, так что их агрессию можно нивелировать хотя бы частично. Проблемы всё равно будут, думаю, на этапе транспортировки, поэтому подготовимся заранее. Я слышал, у тебя есть несколько минометов?

— Три, один неисправен, — на всякий случай Лиман скрыл от собеседника правду. — Но с боезапасом туго, на все три ствола один ящик с минами.

— Согласно донесениям моих оперов, минометов у тебя пять, и мин — по ящику на ствол, — Рубин испытующе посмотрел на полковника. — У меня всего два миномета, зато мин — полвагона. Если грамотно сманеврируем огнем, то сможем рассеять волну атакующего зверья на части и хорошенько проредить ещё до их подхода к линии траншей. Нужны огнеметы и грамотные пулеметчики. Огнеметы я беру на себя, а вот с хорошими пулеметчиками у меня проблема. Те, что у меня есть, звезд с небес не хватают.

— Пулеметчики есть, — кивнул Лиман. — Найду десяток вместе с пулеметами, народ обстрелянный, все прошли Кавказ. Есть и другие неплохие спецы, но в целом личного состава у меня немного. Ты уверен, что наших людей хватит и для обороны, и для сбора, и особенно для транспортировки?

— Уверен, — решительно подтвердил Рубин. — Нам необходимо всё проверить чисто и красиво всего лишь один раз. Как только Военный Совет узнает о полученной нами прибыли, у нас появится достаточно сторонников, даже бронегруппу для сопровождения сформируем. К тому же сами мы собирать Синьку не будем, этим займутся пленные. Завтра, под утро, мои ребята атакуют несколько поселений, так что рабочая сила будет. Пообещаем пленным свободу, кормежку и по литру воды за день работы, и будут пахать, никуда не денутся. С этим проблем не возникнет, сам знаешь, это очень мягкие условия. Они нам нужны всего на два дня «нелетной погоды», после чужих на плантации уже никто не захочет пускать.

— Сборочные агрегаты есть? — уточнил Лиман. — Все «пылесосы» в тот раз зверье в хлам разнесло.

— Я закупил за свой счет всё необходимое, в том числе воду и продовольствие на всех, — Рубин подчеркнуто выделил голосом «за свой счет». — Канал сбыта товара тоже мой, человек на Нейтралке готов дать выгодную цену, если поставка будет действительно крупная, сейчас несколько очень серьёзных госпредприятий буксуют от недостатка «Ванили». В общем, всё организовано, детальный план я тебе передам. Поэтому прибыль делим семьдесят на тридцать в мою пользу. Твое слово, Лиман?

— Мне необходимо увидеть план операции, — ответил тот. — Предварительно я согласен. Условие одно: если мои потери превысят десять процентов личного состава, прибыль делим шестьдесят на сорок. Мне потребуются средства, чтобы оплатить лояльность недовольных. А их количество после бойни всегда возрастает.

— Хорошо, — не стал спорить Рубин. — Я тебя понимаю. Думаю, про режим секретности тебе объяснять не нужно. Буду ждать твоего ответа, у тебя есть время до Выброса, сразу после него к тебе придет один из моих оперов.

Над планом Рубина Лиман просидел двое суток. Задумка была более чем рискованная, но полковник быстро понял, что Рубин прав, — если всё сделать с умом, то шансы на успех велики. Он не стал тянуть с согласием, хотя убедить своих людей пойти на эту операцию оказалось не просто. В конечном итоге подразделения Рубина и Лимана приступили к действиям. Поначалу всё шло очень неплохо: объединенную минометную батарею врыли в землю, огневые точки оборонительных линий восстановили, аномалии заранее обнесли вешками, орудующих «пылесосами» пленных прикрывали хорошо вооруженные группы на автомобилях. Собранную Синьку пересыпали во всевозможные канистры малого объема, которые немедленно вывозились на квадроциклах на Нейтралку, где перегружалась в биоцистерны заказчика. Потом начались трудности: два десятка квадроциклов не справлялись с перевозкой канистр поштучно. Транспортировка шла слишком медленно, канистр не хватало, «пылесосы» стали простаивать, да и сама Синька была товаром скоропортящимся.

Пришлось пойти на риск и пригнать пару БТР — это вся техника, что имелась у Лимана и Рубина на тот момент. Коробочки шли по плантациям, и пленные укладывали наполненные канистры прямо в десантные отсеки. Вот тогда зверье и атаковало. Мутанты рванули из леса сплошным потоком, и если бы не минометы и огнеметы, то вся эта операция повторила судьбу предыдущей. Первую атаку удалось отбить без особых потерь, но когда бэтээры были забиты Синькой под завязку, зверье хлынуло вновь. На этот раз большинство атакующих мутантов составляли взбешенные птичьи стаи, и практически сразу выяснилось, что сдерживать угрозу с воздуха особо нечем — огнеметы доставали не везде, а автоматнo-пулеметный огонь по сотням изуродованных мутациями воробьев, брызжущих ядовитым токсином, оказался малоэффективен. Стаи прорвались через заградительный огонь, и, несмотря на то что вдоль всех плантаций были заранее вырыты убежища, укрыться в них успели далеко не все пленные. Обе Коробочки до самой границы Ареала ползли, окруженные огромным облаком из взбешенных птиц, яростно пикирующих на стальную технику, а истошный визг и непрерывный шум от ударов множества кривых клювов по броне заглушали звуки работающих двигателей.

В общем, за два дня «нелетной погоды» пришлось настреляться так, как не доводилось за два месяца. Но полученный результат превзошел все ожидания. За Синьку удалось выручить не просто очень хорошие деньги. Предприятия-заказчики были готовы идти на огромную предоплату, лишь бы заполучить Синьку — срывались многомиллионные контракты по поставкам вооружений, входящих в перечень изделий по проекту «Ваниль». Едва о полученных Рубином и Лиманом прибылях стало известно остальным членам Военного Совета и их подразделениям, отношение к разработке плантаций кардинально изменилось. С тех пор сбор Синьки является монополией Наёмников, и группировка изрядно преуспела в этом бизнесе. Оборона плантаций тщательно продумана и проверена в деле, транспортировка Синьки на Нейтралку производится под охраной двух усиленных бронегрупп, и почти всегда удается избежать жертв.

Особенно приятным являлся тот факт, что Лиман и Рубин имели очень хороший процент с доходов. Гораздо более крупный, нежели любой другой член Военсовета, ведь самые трудные времена разработки плантаций выпали на долю именно их подразделений. Полковник сколотил на Синьке такое состояние, которое ему не являлось и в мечтах во время той, прошлой, жизни. А после того, как

Рубин трагически погиб в результате атаки Унка, позиции Лимана упрочились ещё сильнее. Подразделение Рубина на общем совете приняло решение не избирать нового лидера, а в полном составе перейти под командование Лимана, как офицера, зарекомендовавшего себя грамотным военачальником и руководителем. В итоге численность личного состава Лимана увеличилась втрое, материальной базы прибавилось, ощутимо возросли доходы и авторитет. В немалой степени этому способствовал тот факт, что полковник предусмотрительно позаботился первым делом распределить солидную часть доставшейся ему доли Рубина между подчиненными в качестве дополнительного денежного содержания. Деньги — дело наживное, жадность не лучший способ добыть авторитет среди личного состава. Да, он лишился определенного дохода, но теперь пользуется немалым уважением среди бойцов, его право на командование обороной плантаций никто не оспаривает, и голос Лимана на Военсовете является далеко не последним.

Однако сейчас сплоченность Военного Совета опять падает. Многие едва ли не с маниакальным энтузиазмом восприняли это тайное предложение РАО насчет прививок, позволяющих на короткое время отдохнуть от Зуда. В основном на эту удочку клюнула молодежь, немолодые офицеры вроде него отнеслись к посулам Сателлита с большой осторожностью. Конечно, вновь оказаться среди цивилизации, да ещё и без циркулярной пилы, вспарывающей мозг, хочется любому. Но ведь Зависимость никуда не девается. Зуд возвращается через месяц, Полтергейсты и вовсе не прекращаются, а вместе с ними и человеческие страх и ненависть. За месяц можно заново привыкнуть к нормальной жизни, особенно с такими-то деньгами, как у членов Военсовета, а что потом? Снова в Ареал, в тоске и печали? Жизнь от прививки до прививки, как у наркомана? И с каждым разом срок свободы все меньше. Он истечет быстро, глазом не успеешь моргнуть, безбедная жизнь летит незаметно, это полковник понимал очень хорошо. И что дальше? Вечная тоска и безысходность? Особенно если позже изобретут новую сыворотку, которая могла бы дать тебе гораздо большую отсрочку от Зависимости, но ты уже исчерпал все резервы своего истыканного иглами мозга. Словом, мнения разделились, и каждый поступает, как желает. А в этом ничего хорошего нет, это однозначно. С РАО лучше сохранять деловые отношения на равных, нежели попадать к ним в зависимость. И без того в Ареале слишком много зависимостей.

— Лиман, Лиман, ответьте диспетчеру! — шипение радиоэфира вывело полковника из раздумий.

— На связи! — ответил тот. — Вертушка готова?

— Так точно! — подтвердил диспетчер. — Только что поднялась в воздух, будет у вас через десять минут. Бронегруппы на подходе, грузовики должны уже быть на месте!

— Грузовики вижу, — Лиман всмотрелся на останавливающуюся у дальнего края плантаций тройку бортовых «КамАЗов», окруженную несколькими квадроциклами охраны. — Диспетчерской ждать моих указаний. Конец связи.

Сейчас предстоит самая сложная фаза — погрузка добытого биологического материала и его транспортировка за пределы Ареала. Три грузовика будут набиты Синькой под завязку, и тридцать тысяч литров этой синюшной дряни спровоцируют финальную атаку мутантов. И она будет поистине жуткой, если не принять меры. Поэтому погрузка разбросанных по всем плантациям пятидесятилитровых ёмкостей будет осуществляться только после того, как прибудет сводная бронегруппа. Грузовики поставят между боевой броней через один, после закроют их техникой справа и слева, в воздухе будет ходить вертушка, и лишь тогда батальон обеспечения приступит к погрузке наполненных емкостей в автомобильные кузова. Ощетинившаяся во все стороны стволами орудий, пулеметов и огнеметов бронегруппа на порядок снизит агрессивный настрой местных мутантов, которые чувствуют каждый патрон в направленном в их сторону оружии. Но даже учитывая это, атака тварей будет самой яростной за день. Отбить её — и можно будет вздохнуть спокойно. Следующая головная боль начнется завтра в это же время, а потом в секторе плантаций наступит тишь да благодать.

За пару суток «нелетной погоды» с плантаций снимается шестьдесят тысяч литров Синьки, ещё пятнадцать-двадцать тысяч, как повезет, удастся собрать на пятый день после Выброса. Затем все работы прекращаются, колониям необходимо время для восстановления численности. Эта мелкая кровососущая гадость плодится невероятно быстро, уже на второй день после Выброса плантации кишат Синькой так, словно её никогда не собирали. Но всё-таки полковник не отказался бы добавить

сюда ещё десяток колоний. Опера докладывают, что кто-то среди Неприсоединившихся наловчился разводить колонии Синьки в естественных условиях, а значит, такое возможно в принципе. Вот, хотя бы для этого группировке очень не помешало бы наличие собственного научного центра — разрабатывать способы повышения эффективности производства, как делает это РАО для своих нефтепромыслов. Вон, УИП в очередной модификации улучшили, и очень неплохо получилось на этот раз. Наконец-то. Зато теперь с медикаментами проблема...

— Товарищ полковник, бронегруппы прибыли! — начальник охраны кивнул в сторону приближающихся к грузовикам боевых машин. — Вызвать броню или так дойдем?

— Дойдем, — отмахнулся Лиман, — двести метров осталось. Или ты боишься, что нас полностью сожрет Синька? — Охрана коротко хохотнула, и полковник вышел в эфир: — Я — Лиман! Сводной бронегруппе начать перестроение! Грузовикам борта опустить, двигатели не глушить, батальону обеспечения рассредоточиться по плантации и приготовиться к погрузке!

Полковник с охраной добрался до перестраивающейся техники и принял доклады офицеров. Пока бронегруппа и грузовики заканчивали необходимые маневры, пришла вертушка и приступила к барражированию над колонной. Лиман убедился в том, что нигде не было допущено ни малейшей ошибки, и вновь коснулся гарнитуры портативной рации:

— Внимание! Батальону обеспечения начать погрузку! Коробочкам и огневым точкам — к бою! Минометной батарее приготовиться к ведению заградительного огня! Наблюдателям смотреть в оба!

Минут десять ничего не происходило, потом к грузовикам прибыли первые квадроциклы с ёмкостями, началась погрузка Синьки, и от наблюдателей стали поступать доклады:

— Вижу птичью стаю над лесом, левый фланг, дальность полторы тысячи метров, судя по плотности облака — не менее пятисот особей! Кружат над деревьями, пока не атакуют!

— Подтверждаю! Стая крупная, твари сильно возбуждены, на сближение пока не идут!

— Движение на краю зеленки по всему правому флангу! Кусты ходуном ходят, целей не вижу!

— Вторая птичья стая поднялась над деревьями! Очень большая, не меньше тысячи штук!

Полковник вызвал вертолет и приказал пилотам доложить обстановку, но те не добавили ничего нового. На открытой местности зверьё ещё не появилось, но подлесок у опушки, похоже, кишел мутантами. Посылать вертушку ближе Лиман не рискнул, если птичья стая рванет в атаку и успеет врезаться в вертолет, машина может и упасть. Он велел пилотам держаться за позициями минометной батареи и принялся осматривать плантации в бинокль. Емкости с Синькой везли со всех сторон, батальон обеспечения ставил рекорды скорости, загружая кузова «КамАЗов», и критическая масса биологического материала, сосредоточенного в одном месте, быстро возрастала. Однако мутанты медлили, и их разъяренные крики отчетливо доносились с лесной опушки. Это плохо, очень плохо! Если зверьё специально накапливается, чтобы потом броситься разом и отовсюду, серьезных потерь не избежать. Судя по докладам наблюдателей, монстров собирается слишком много: одних только птиц уже полторы тысячи, значит, пеших мутантов будет в несколько раз больше...

— Я — Стрекоза! — неожиданно зазвучал голос командира вертолета. — Наблюдаю ещё одну стаю птиц! Двигается с тыла, по касательной с востока, в нашу сторону! До четырехсот особей!

— Принял тебя! — ответил Лиман и коротко выругался про себя. Да что это творится?! Когда такое было в «нелетную погоду»?! Полковник лихорадочно обдумывал варианты собственных действий, и выходило, что спасти резко ухудшающееся положение дел может лишь срочное увеличение численности войск, иначе контроль над небом не удержать.

— Диспетчер! Я — Лиман! — он одновременно вскинул обе руки, нажимая на тангенту гарнитуры рации и поднося к глазам часы. — Срочно требуется подкрепление! Ожидается массированное наступление мутантов! Наша ПВО не справится, необходима поддержка! Немедленно высылайте всех, кто находится неподалеку! Повторяю! Необходима любая помощь в отражении атаки с воздуха! Отправляйте сюда всех, кто рядом!

Диспетчерская объявила тревогу и вскоре сообщила о трех подразделениях, оказавшихся в относительной близости от плантаций. Их командиры обещали оказать помощь, ближайший из отрядов будет в районе оборонительных рубежей через двадцать минут. Это хорошо, будем надеяться, что обилие боевой техники задержит наступление мутантов на какое-то время и подкрепление успеет дойти до начала атаки. Сейчас каждый дополнительный дробовой ствол на вес золота! Полковник

приказал приготовить все имеющиеся у бронегруппы огнеметы для ведения огня по налетающим стаям и вновь сверился с часами. Странно, что зверьё всё ещё медлит, но это дает нам шанс. Ещё полчаса, всего лишь полчаса — и погрузка будет закончена. Колонна направится в сторону Нейтралки, и как только грузовики с Синькой покинут границы Ареала, степень агрессии резко упадет...

Внезапно рация коротко щелкнула сканером, переключаящим основной канал связи на аварийную частоту согласно заложенной программе, и в эфире зазвучала очень мощная радиостанция, болезненно ударяя сильным звуком по барабанным перепонкам.

— Всем! Всем! Всем! — спокойный и равномерный голос радиста был настолько громок, будто передачу вели с расстояния в пару сантиметров прямо в ухо. — Я — База! Двадцать пять минут до Выброса! Повторяю! Приближается Выброс! Двадцать пять минут до начала!

Полковник замер с поднятой рукой, наполовину извлекшей из ушной раковины гарнитуру больно бьющей по барабанной перепонке радиции. Это передатчик ОСОП, ошибки быть не может, его ни с чем не спутаешь, такой мощности в Ареале больше нет ни у кого. С того момента, когда по Зеленой Зоне стремительно разлетелся слух о старой аварийной частоте РАО, на которой загадочный Водяной обещал выход в эфир сообщений с предупреждением о Выбросе, указанный канал слушал, наверное, каждый второй обитатель Ареала. Хотя вряд ли кто всерьёз в это поверил. Но вскоре неизвестный и сверхмощный передатчик действительно вышел в эфир и предупредил о Выбросе за двадцать пять минут до его начала. И не ошибся. Не ошибалась загадочная «База» и все последующие разы, четко предсказывая начало Выброса ровно за двадцать пять минут. И не верить её предупреждениям оснований не было.

— Выброс?! — кто-то из находящихся рядом с полковником офицеров неуверенно огляделся. — Сегодня же второй день «нелетной погоды»... Как же так?! Может, это чья-то провокация?

— Это осоповский передатчик, такого больше ни у кого нет! — возразили ему. — Но почему так рано? Четыре дня всего прошло...

— Такое иногда бывает! — начальник охраны Лимана запрыгнул на броню стоящего рядом БМП и всмотрелся в стаю мутировавших птиц, хаотично кишащую над лесом. — Выбросы изредка случаются не как обычно! Вот почему зверьё не нападает, они чувствуют неладное!

— Твою мать! — выругался полковник, выходя из оцепенения, и торопливо сунул гарнитуру радиции обратно в ушную раковину: — Внимание всем! Я — Лиман! Немедленная эвакуация! Повторяю! Всеми личному составу! Начать немедленную эвакуацию! Технику в ангары! Людей в укрытие! Огневые точки укрепрайона задрать люки! «Стрекоза»! Возвращайтесь на аэродром! Диспетчерская! Всемдвигающимся ко мне подразделениям — отбой тревоги! Немедленно выдвигаться к ближайшим убежищам!

Следующие пять минут Лиман провел за непрерывной отдачей приказов и распоряжений, срочно сворачивая активность на плантациях. Техника на полном ходу ушла на базу группировки, забрав с собой столько людей, сколько смогла. Остальных сборщиков полковник решил укрыть в блиндажах оборонительных линий, находящихся ниже уровня земли. Сборочные аппараты срочно опорожнялись, вытряхивая Синьку прямо на траву, транспортировочные ёмкости с уже собранной Синькой бросали на месте. Под Выбросом заполненные биологическим материалом контейнеры всегда разрушаются, выпуская Синьку на волю, как и почему такое возможно — Лиману было плевать. Сейчас главное уберечь личный состав. Контейнеры потом закупим новые, а Синьки в Ареале как грязи, собираем.

— Всем! Всем! Всем! — мощный передатчик вновь резанул барабанные перепонки. — Я — База! Двадцать минут до Выброса! Повторяю! Двадцать минут до Выброса!

Полковник уложился в пятнадцать. В ту минуту, когда осоповский радист в очередной раз объявил об оставшихся до Выброса пяти минутах, на поверхности плантаций не осталось ни единого человека. Люди забились под землю почище кротов и землероек, и в данный момент командиры подразделений сообщали о наличии сухого пайки и воды. Если Выброс продлится меньше двух суток, то припасов хватит. Придется ввести режим экономии, чтобы обеспечить провизией сборочные отряды, но это ерунда в сравнении с тем, чего удалось избежать. Почти восемь сотен душ оказались бы под Выбросом на открытом пространстве плантаций и в составе сводной бронегруппы... И он неизбежно был в их числе.

— Всем! Всем! Всем! — голос осоповца был по-прежнему спокоен. — До Выброса одна минута! Повторяю! Шестьдесят секунд до Выброса! Конец связи!

Эфир коротко треснул электростатическим разрядом и затих. Лиман бросил крайний взгляд через наблюдательный перископ своего блиндажа на кружащие вдаль над деревьями птичьи стаи. Они скроются практически мгновенно, когда до Выброса останется секунд двадцать. Подобная индикация Выброса ничем не помогла бы его людям — слишком поздно, слишком далеко до укрытий, слишком мало времени. Полковник отошел от перископа и направился в соседнее помещение своего КП, предназначенное специально для пережидания Выброса. Надежно заглубленное и добротное загерметизированное, с автономным запасом воздуха для дыхания в случае необходимости. За его спиной охрана спешно убирала перископ и задраивала наблюдательные люки и амбразуры. В радиоэфире на всех частотах стояла гробовая тишина, осоповский радиопередатчик слушали все, и сейчас Ареал замер в ожидании столь внезапного удара.

Крайние тридцать секунд тянулись особенно долго. Лиман улегся на топчан для отдыха и невидящим взглядом уставился на лежащий рядом спальный мешок. Говорят, что ОСОП подвергся зомбированию, его личный состав давно потерял человеческий облик, занимается каннибализмом, зверствует и живет одними инстинктами. РАО даже предоставило Военсовету и объединенному руководству Нефтяников специальную аналитическую сводку на эту тему. Некоторые её положения частично подтверждаются данными собственных оперативников: Водяной обходит аномалии, не пользуясь приборами либо народными приспособлениями, а Медведь и его снайперы видят в кромешной тьме даже оснащенного «Невидимкой» противника. Как минимум один факт похищения ОСОПом женщины четко зафиксирован, как неоднократно зафиксированы факты боестолкновений некоторых подразделений группировки с бойцами ОСОП.

Вполне объяснимо, что Сателлит объявил за их головы награду, как объяснимо и то, что никто не считает ОСОП дружественной силой. Если они действительно стали Зомби, то ни к чему хорошему это не приведет, военный союз с Зомби невозможен. Хотя, конечно, странное у них какое-то зомбирование — торговлю ведут, иногда с людьми разговаривают. Впрочем, если предположения аналитиков РАО верны и таким образом Зомби просто организовали ещё один способ возвращения осколков метеорита и метаморфитов в Эпицентр, то Лиман этому не удивится. Тут, в Ареале, возможна любая чертовщина, вплоть до полного абсурда — сколько раз такое уже бывало! Само существование Ареала уже один большой сплошной абсурд. Но если сотрудники ОСОПа всё ещё люди то, как им удастся постоянно жить в Желтой Зоне, да ещё добывать там воду, не говоря о других возможностях?

Абсолютно все группировки Ареала очень не против заполучить их секрет добычи воды и технологии изготовления уникальных медикаментов. Но до тех пор, пока этого не произошло, вряд ли Военсовет или Нефтяники всерьёз заинтересуются уничтожением ОСОПа. Их загадочные светящиеся слабым светом шприц-тюбики зачастую единственное, что спасает человека, подхватившего неизвестную болезнь в результате царапины от когтей какого-нибудь ядовитого воробья или токсичного укуса чешуйчатой лисицы. А предлагаемая Водяным «Эмка» в их собственной модернизации — это вообще загадка. Когда два месяца назад неожиданно для всех вспыхнуло сражение за Тэбук, причины которого до сих пор настолько туманны, что их не удастся вскрыть ни нашим оперативникам, ни безопасникам РАО, из той кровавой резни удалось выбраться троим бойцам одного из наших подразделений. Все были в «Эмках» от Водяного. Снаряжение удержало разряд Соленоида, десяток близких гранатометных разрывов, удары сотен птичьих когтей и клювов, а бронепластины безвредно поглотили более двадцати «Дыроколов». Как говорится, кто знает — тот поймет. А теперь ещё и этот передатчик с оповещениями о Выбросе. Уничтожать Спецотряд глупо, и Военсовет, однозначно, прав: настойчивые намеки РАО стоит оставлять без ответа, обещанные награды игнорировать. Необходимо усилить оперативную работу в направлении ОСОП с целью обретения их технологий. По докладам оперов, этим уже кто только ни занялся...

Воздух вокруг посерел и потяжелел, словно наливаясь свинцом, и Лиман почувствовал знакомую монотонную боль, заунывно ввинчивающуюся в мозг. Поверхность земли мелко завибрировала, и застывшие в масляных лампах огоньки пламени вяло затрепетали, уменьшаясь в размерах. ОСОП не обманул — Выброс действительно начался, и произошло это намного раньше привычного всем срока,

в самое что ни на есть безопасное время. Можно лишь догадываться, сколько народу сегодня обязано ОСОПу своими жизнями. Вот уж действительно повезло, что люди или Зомби Медведя, черт поймет, кто они там на самом деле, запустили свой передатчик до сегодняшнего дня, а не после. Знать бы ещё, сколько этот Выброс продлится... Полковник недовольно вздохнул, кривясь от зудящей в мозгу боли, и потянулся за спальным мешком. Лучшее средство от Выброса, как известно, сон. Болеть не перестаёт, но хоть время летит быстрее.

* * *

— Питание подключено, — зашипел в эфире голос Степанова, — генератор работает стабильно!

Медведь щелкнул выключателем, и под потолком коридора вспыхнули электрические лампы.

— Порядок! — удовлетворенно пробасил здоровяк, задувая укрепленный на стене нефтяной светильник, изготовленный из пулеметной гильзы. — Осталось убедиться, что водонагреватель в порядке, и счастье наступило. Кстати, о счастье. — Он посмотрел на стоящего в дверях лазарета Айболита: — Сколько у нас на складе запасных частей к генератору?

— На полтора десятка Выбросов хватит, — ответил тот. — За прошедший месяц Водяному ни разу не принесли ничего такого, так что наши запасы сократились. Может, заказать Кошелю?

— Если в ближайшие два-три торга не принесут, то так и сделаем, — кивнул майор. — Послезавтра, как зверье немного успокоится, сходим в медицинский сектор Городка, я видел там генератор, когда мы тебе рентгеновскую установку доставали. На первый взгляд он сгоревшим не выглядел.

— Рентгеновский аппарат нужен не для меня лично! — обиделся санинструктор. — Это для всех! Это забота о здоровье личного состава и очень важная часть исследований, теперь мы сможем провести серию опытов с применением рентгеновского излучения! Ранее у нас таких возможностей не было!

— Ты только с заботой о здоровье не переусердствуй, как в прошлый раз с флюорографией! — вкрадчиво попросил Медведь. — А то нам никакая «Грелка» не поможет.

— Надо же было выполнить тонкую настройку аппарата! — немедленно оправдался Айболит. — Он простоял в развалинах чуть ли не два года! Вот я сделал полную рентгеновскую карту на каждого, совместил два полезных дела! И нечего на меня так смотреть, подобные дозы облучения «Грелка» выводит за три минуты! Зато теперь у нас имеется правильно откалиброванный рентгеновский аппарат в идеальном состоянии. Если кто-то беспокоится за своё здоровье, я могу провести ему курс денуклеризации ещё раз! Раз уж в Ареале такое возможно, надо пользоваться!

Неповрежденную рентгеновскую установку, которую больше двух месяцев в один голос требовало всё научное сообщество ОСОП, разыскал Рас в развалинах медицинского сектора погибшего Городка. Молодой сталкер умудрился пролезть в раздавленный всмятку Катаклизмом склад медоборудования, в единственном частично уцелевшем помещении которого и обнаружилось искомое устройство. Причем находилось оно в разобранном состоянии, в запечатанном ящике, но Рас исхитрился пробраться между густо залегающими среди усыпающего пол строительного мусора очагами Студня и тщательным образом изучил все бирки, нанесенные на стенки неповрежденных ящиков. В результате База получила не только рентгеновский аппарат, но и электрокардиограф, и новенькую армейскую фильтро-вентиляционную установку, невесть каким образом оказавшуюся на медицинском складе. На расчистку подходов к остаткам склада ушло почти пять дней, и установить рентгеновский аппарат в лазарете удалось лишь трое суток назад.

Едва аппарат был запущен, как Айболит развил поистине небывалую активность и заставил каждого обитателя базы отсняться с ног до головы трижды, в процессе чего снабжал подопытного «Грелкой» и уколами каких-то «экспериментальных препаратов на основе Икс-эссенции». Отказать санинструктору оказалось невозможно, и все терпеливо проявляли сознательность, не забывая подначивать Айболита на тему внезапно прорезавшихся у того странных фотографических наклонностей. Но санинструктор оставался тверд, словно кремь, и задуманное завершил. После чего объявил, что досконально изучит снимки каждого и вскоре тщательнейшим образом займется здоровьем личного состава Базы. И лишь внезапно начавшийся Выброс помешал ему воплотить в жизнь сию угрозу.

— Да уж, ты воспользовался, — хмыкнул майор. — Тебя в бездеятельности точно не упрекнёшь, мне весь Выброс твоя флюорография снилась! Ладно, я в душ, очень уж хочется смыть с себя двадцать девять часов Выброса. Как вовремя, кстати, он начался! Иначе бы ты нас всех до смерти заснимал!

— Но-но! — вскинулся санинструктор. — Я в целях науки! И здравоохранения! Уж больно аппарат хорош, новенький, самая современная модель, грех было не использовать!

— У тебя есть Бэмби, вот на ней и тренируйся! — негромко хохотнул Медведь. — И для дела польза!

— Это даже не обсуждается, — немедленно подтвердил Айболит. — Снимками её позвоночника я займусь немедленно! Необходимо иметь доскональную картину результатов воздействия на её травмы наших медикаментов! Это непочатый край исследований, новое слово в медицине!

— Пропала девчонка, — трагически вздохнул Медведь. — Может, лучше на органы её продадим? Это с нашей стороны будет более гуманно...

— Коля! — санинструктор рассерженно надвинул брови на лоб. — Ты, кажется, в душ хотел?!

— Уже ухажу! — ощерился здоровяк и с беззаботным видом направился в сторону санузла.

— Можно мне тоже в душ? — полусонно пробормотала Бэмби, выглядывая из своей комнаты.

— Нельзя! — отрезал Медведь, не оборачиваясь. — Я первый! А кто первый встал, того и тапочки.

Девчонка философски пожалала плечами, мол, нельзя, значит, нельзя, и скрылась за дверью. Айболит тихо буркнул себе под нос что-то о людях, одержимых манией преследования, и удалился к себе в лазарет. Медведь невозмутимо прошествовал к лестнице на первый этаж, добрался до санузла и занялся запуском водонагревателя. Выброс закончился почти в полночь, пока поменяли традиционно сгоревшую обмотку электрогенератора, проверили крышу и вакуумные пары, прошло больше двух часов, и самое время сейчас принять душ и отправиться спать. Завтра боевым группам необходимо в полном составе выдвинуться к месту торгов Водяного, а подобные прогулки в первый день после Выброса есть занятие не безопасное. Правда, образовавшееся полтора месяца назад недалеко от старой торговой тропы озеро теперь оттягивает на себя животных, которые спешат на водопой после долгой жажды под Выбросом, но риск все равно не маленький.

Предупреждение о Выбросе прозвучало в самый разгар торгов, сделки пришлось прервать, и два каравана спешно покинули поляну в поисках укрытия. Спецотряд возвращался на Базу бегом, навьюченный товаром. Бежали на «Энерджайзерах», иначе дойти до дома вовремя никак не успеть, почти восемь километров бегом, с грузом на плечах, меньше чем за двадцать минут — такой кросс без метов не осилить, а чем чревато опоздание даже на секунду — никому объяснять не надо. К тому же близкое озеро требовалось огигать на безопасном расстоянии, там и Зов и обилие зверья, что мгновенно отвадит любого покупателя, так как перспектива ходить мимо озера не улыбается абсолютно никому. В общем, старую торговую тропу пришлось закрыть сразу после того, как образовался водоём.

Вместо неё проложили новый путь, а вместе с ним изменили и место проведения торгов, пододвинув его ближе к границе с Зеленой Зоной. Теперь поляна Водяного находилось на самом краю западных развалин Ухты, соприкасающихся с синюшно-желтыми зарослями буйно разросшегося кустарника. Не приходилось сомневаться, что оба каравана за двадцать пять минут нашли, где уберечься от Выброса — в Желтую Зону неопытные новички не ходят, а руин вокруг предостаточно. Но на всякий случай стоило убедиться, что всё обошлось. Всё-таки тащить через нашпигованные аномалиями развалины на носилках несколько двухсотлитровых бочек есть занятие непростое. Может, кто-либо из пострадавших покупателей всё ещё находится в подвалах руин неподалеку от поляны и нуждается в помощи. Всякое возможно: перевозбужденное зверье блокировало выход или ещё что. Репутацию безопасной торговой точки необходимо поддерживать, особенно после той засады, в результате которой тут появилась Бэмби.

С девчонкой всё было непросто с самого начала, и с течением времени стало ещё сложнее. Причем с её ранами и болячками проблем как раз не возникло. Наоборот, Айболит поставил её на ноги за три Выброса, и не без оснований заявил, что сочетание медицинских метаморфитов и препаратов на основе Икс-эссенции творит поистине чудеса, тут целому НИИ хватит материала на докторские диссертации для каждого сотрудника. Спорить с санинструктором никто и не пытался, результаты лечения видели все. Простреленные руки-ноги у Бэмби полностью зажили, после четвертого Выброса не осталось даже шрамов на коже. Ещё через Выброс Айболит «дочинил» её позвоночник, и с тех пор бывшая гимнастка пыталась тренироваться в выделенной ей единственной свободной комнате и длинном коридоре минус первого этажа. Сам санинструктор с гордостью заявил, что в процессе

лечения не только удалось восстановить позвоночник без потери гибкости, но избавить девушку от множества мелких повреждений, характерных для профессиональных гимнастов, и даже несколько усилить систему кровообращения. Короче, за её здоровье Медведь не переживал, оно было в надежных руках. Чего не скажешь о дальнейших жизненных перспективах.

После третьего Выброса на поляну Водяного в день торгов заявилось сразу четыре каравана, причем четвертый пришел под самое закрытие торговли, когда у Водяного из всего товара осталось лишь несколько шприц-тюбиков с медикаментами. Но опоздавших отсутствие ассортимента совершенно не смутило. В женщине, вышедшей на сделку, Водяной без труда узнал ту самую Анну, с которой Володина пришла на старую поляну в тот памятный день. Анна старалась говорить очень тихо, так, чтобы её гарантированно не услышали в первую очередь собственные провожатые, и сообщила достаточно тревожную информацию. Она сказала, что очень переживает за судьбу подруги и очень просит ОСОП не возвращать девушку в магазин Куска. Оказывается, её возвращения с большим нетерпением ожидает масса весьма тёмных и зловещих личностей. Последнее время множество людей как бы невзначай заглядывают в магазин и будто между делом интересуются, не отпустил ли Медведь гимнастку и когда она собирается вернуться.

Особо подозрительные посетители подолгу обсуждали что-то с Куском наедине, и впервые за несколько месяцев их совместной жизни Перекуп не поделился с Анной содержанием этих разговоров. Почти сразу же Наемники отозвали двух своих боевиков, входящих в состав охраны магазина, под предлогом срочной служебной необходимости, и прислали вместо них других. И Анна случайно подслушала разговор остальных охранников, в котором те называли вновь прибывших операми. В довершение всего, после прошлого Выброса, Кусок вдруг без объяснения причин поселил на территории магазина троих зловещего вида мужиков, которым якобы необходимо оказать помощь с временным жильем, так как это его старые друзья и у него перед ними должок. В чем суть долга, Перекуп объяснять не захотел и без обиняков перевел разговор на другую тему.

Исходя из всего этого Анна решила, что Кусок заключил сделку с какой-то из группировок. Ему пригрозили расправой, а может, наоборот, пообещали скидку на приобретение следующей «лицензии», или даже дали денег вперед, и он продал им Володину. Только в этом случае он мог не поделиться тайной с Анной, заранее зная её реакцию. В остальном Кусок слушался жену во всем и всегда советовался с ней перед принятием решений, потому что в бизнесе она соображала лучше него. И теперь Анна уверена, что едва Володина появится на территории магазина, девушку схватят и будут пытаться до тех пор, пока она не расскажет обо всём, что интересует похитителей. И она не удивится, если за это право прямо в магазине вспыхнет серьезная резня, потому как Кусок заключил сделку явно не с Наемниками, но они тоже не желают отставать от остальных, потому и прислали оперов. А вчера от командира подразделения, с которым у Куска контракт на охрану, пришел человек с официальной бумагой. Наёмники, ссылаясь на резко возросшую в связи с событиями в Тэбуке криминогенную и зомбиопасную обстановку, предлагают Куску увеличить численность охраны ради повышения её эффективности. И даже дают под это дело очень серьезную скидку.

После такого никаких сомнений у Анны вообще не осталось, она срочно собрала караван, сославшись Куску на тяжелое воспаление женской болезни, и отправилась к Водяному за лекарством. Поэтому ей обязательно надо вернуться с настоящим препаратом от ОСОП, и она даже раздобыла для этого дела осколок метеорита. А вообще у неё только одна просьба — не возвращать подругу в магазин Куска, где девушке уже грозит смертельная опасность. Она так и сказала Водяному, опасливо косясь в сторону, где остались её провожатые:

— Отвезите её куда-нибудь, я даже не знаю куда... — Анна растерянно вздохнула. — Может, к Непрам... Надеюсь, там её не найдут. Иначе Танюхе точно конец! Запытают девчонку насмерть, всем интересно узнать, как вы живете. Я сама-то после того случая под эту раздачу не попала лишь потому, что вы меня сразу из Желтой Зоны выгнали с завязанными глазами. Так всё равно столько странного народу приходило вопросы позадавать, что мне до сих нор за каждым углом тени мерещатся!

Водяной, конечно, ответил ей в духе Кварца, мол, ничего не знает и комментариев не дает, но Анну это не смутило. Она заявила, что не могла не предупредить подругу, и теперь её совесть спокойна, после чего выменяла на осколок метеорита оставшиеся несколько препаратов и увела караван. После торгов Спецотряд собрался на совещание, на котором Кварц сказал, что не удивлен и более чем

ожидал подобного развития событий. Информацию об их Базе не желает получить только ленивый, потому как секрет добычи воды, создания медикаментов и предсказания Выброса не дает спокойно спать не только их тайному врагу, но и всем явным недоброжелателям также. Кто же откажется от такого сокровища?! Поэтому контрразведчик потребовал усилить меры безопасности и степень конспирации, в связи с чем надо отозвать Кнопку из Сателлита, потому что рано или поздно Служба Безопасности РАО узнает о её контактах с Волконским и быстро свяжет одно с другим.

Тут мнения и разделились. Ученые во главе с Айболитом считали, что прерывать контакты с ЦИАП нельзя, потому что это шанс получить серьезную помощь в исследованиях, а в перспективе и вовсе вынудить ЦИАП возобновить настоящую научную деятельность по изучению возможности ремутации Ареала. И потому сейчас без Кнопки, как посредника, не обойтись. По другую сторону баррикад оказался Кварц, который утверждал, что доверять в РАО нельзя никому, ибо тандем Белов-Лозинский никогда не будет заинтересован в каком-либо партнерстве. Они попытаются получить абсолютный контроль над исследованиями и исследователями, едва обо всем этом станет известно. Возможность предсказывать Выброс — сверхмощный раздражитель уже сам по себе, а тут ещё и ОСОП в придачу, в котором собралось столько людей, осведомленных об истинных причинах операции «Дезинфекция».

На сторону Кварца стали Медведь и Водяной, остальные присоединились кто куда, и в результате прийти к единому мнению не удалось. После долгих обсуждений сошлись на том, что нужно выждать некоторое время и тщательно следить за развитием событий. Сразу же встал вопрос, что делать с Бэмби. Айболит настаивал на дальнейшем лечении, так как оно позволяло разрабатывать новые медикаменты и совершенствовать уже существующие, Кварц ни в какую не соглашался, утверждая, что Меркулов только этого и добивается. Отдавать девчонку на растерзание тоже не хотелось — а вдруг она всё-таки не шпион... В общем, разгорелся такой спор, что новая дискуссия быстро затмила собой предыдущую. В конце концов Медведь решил вызвать гимнастку на совет и огласить ей список претензий, пусть ответит чего-нибудь, а остальные посмотрят за её реакцией.

Девчонке как обычно натянули на глаза лыжную шапочку, привели на камбуз, где кипели страсти и кастрюли с мясной кашей, из-за запаха которой мысли Медведя так и норовили уйти в сторону от предмета затянувшегося обсуждения, и прямо объяснили ей, кто и что о ней думает. Бэмби, героически съёжившись, молча выслушала всё до конца, после чего сказала, что идти ей некуда, потому как в Ареале она знает только двух человек: Аню и Прокопенко. Поэтому если её решат выгнать, то она очень просит отвести её куда-нибудь в самое глухое место, где ей можно жить, не попадаясь на глаза никому или хотя бы почти никому. После чего девчонка спросила, нельзя ли ей остаться на Базе, она будет очень стараться быть полезной хоть чем-то. Как в этот момент Кварц не пошел собирать костер для сожжения ведьм, для Медведя было загадкой. Наверное, контрразведчик просто посчитал, что физика Желтой Зоны не позволит получить высоту огня, достаточную, чтобы сжечь Бэмби живьем. Поэтому Кварц лишь окинул всех тяжёлым взглядом, мол, а я предупреждал, после чего заявил, что лично он против такого исхода в любом случае, но если остальные решат девчонку оставить, то есть одно необсуждаемое и неизменяемое условие. А именно: до тех пор, пока с неизвестными врагами не будет полностью покончено, Бэмби никогда не покидает пределов Базы в одиночку, не выходит в Зеленую Зону, и даже не приближается к радиопередатчику, вакуумным парам и прочему нестандартному оборудованию научной группы. Фактически это означает, что она остается на Базе навсегда. И вообще, за ней должен следить каждый и каждую минуту.

На этом обсуждение переросло в дружное молчание, которое нарушил сам объект всеобщего недоверия. Бэмби сообщила, что согласна со всеми условиями. Потому что жить на Базе среди людей всё же лучше, чем одной посреди глухой тайги, тем более что навыков выживания в лесу у неё нет. А тут она сможет помогать Айболиту на камбузе и заниматься уборкой, а то понятие «чистота» на Базе существует не только в теории лишь тогда, когда из Сателлита возвращается Кнопка. Девчонка даже была готова ходить в лыжной шапочке на глазах мимо секретных помещений Базы, если это необходимо. Кварца этот момент очень ободрил, но тут за Бэмби вступился Медведь, предложивший просто пристрелить девчонку, чтобы не мучилась. В итоге после недолгого совещания решили, что вечно завязанные глаза — это уже перебор, и Бэмби позволили шапочку не носить.

Пока обсуждали другие вопросы, девчонка сидела молча, инстинктивно съёживаясь всякий раз, когда кто-нибудь бросал на неё взгляд, и не подавала голоса до самого окончания собрания. Но под

занавес неожиданно заговорила, поинтересовавшись, нет ли у собравшихся возможности передать письмо в Москву, в фонд «Неравнодушные», правозащитнику Абрамову. Если как-то можно организовать такое, то она очень хотела бы рассказать своему бывшему боссу о причастности Прокопенко к торговле женщинами. Потому как очень хочется отплатить Прокопенко хотя бы чем-то. Должен же быть способ доставить письмо, ныне покойный Сизый говорил, что торговцы наркотиками могут за это взяться... наверное... На этом её решимость иссякла, и девчонка окончательно стушевалась. Медведь ответил за всех, деловито обронив многозначительное «посмотрим», и собрание завершилось. После чего Кварц сразу же попросил его заглянуть к себе в кабинет.

— Не хочу показаться параноиком, — хмуро начал контрразведчик, едва Медведь затворил за собой дверь, — но оставить эту Бэмби на Базе было слишком опасным решением.

— Насчет паранойи не переживай! — ободрил его здоровяк. — Все и так в курсе, что она у тебя есть, так что все относится с пониманием. Айболит даже обещал разработать специальные укольчики...

— Коля! — Кварц недовольно насупил. — Не до шуточек сейчас! Мы поступили в точности так, как хотел Меркулов! Оставили у себя внедренного агента и разрешили ему свободно передвигаться по Базе! Я бы на его месте посчитал операцию стопроцентно успешной!

— Тогда чего мы её не пристрелили? — хмыкнул майор. — Я ведь предлагал, если что.

— Не похожа она на агента, — со вздохом признался контрразведчик. — Реагирует уж слишком естественно. Для столь умелой имитации нужны годы серьёзнейшей подготовки, а я далек от мысли, что Володина с малолетства была иностранным агентом и начальство позволило Меркулову забрать её из Москвы в Арéal в связи с нехваткой специалистов. Но то, что всё случилось именно так, это его рук дело, гарантирую! И ситуацию вокруг её нахождения у нас на Базе он грамотно развил. Наверняка пустил слух, где только смог, что попавшая к ОСОПу девушка увидела все наши секреты. Вот все кому не лень и ждут её возвращения с нетерпением.

— Тогда в чем подвох? — нахмурился Медведь. — Девчонка не виновата, но прислал её Меркулов... Что-то я несколько запутался и потерял ход твоих мыслей.

— Должно быть что-то ещё... — задумчиво ответил Кварц, разглядывая собственные схемы, занимающие половину рабочего стола. — Что-то тут не так, я чувствую. Не просто так всё это произошло... Но Бэмби не шпион, похоже, ты прав. Хотя я всё равно настаиваю на том, чтобы глаз с неё не спускать. На всякий случай. Как известно, бог бережет бережёного.

— Последим, — согласился здоровяк. — База невелика, куда она от наших бдительных очей денется! Что ты думаешь по поводу её слов о письме этому Абрамову? Предложение вроде дельное.

— Согласен, — Кварц мгновение размышлял. — Письмо она может написать под нашу диктовку, это исключит возможность нежелательной утечки информации. Если эту бумагу перехватят люди Белова, мы ничего не теряем. Если оно дойдет до адресата, у нас может появиться союзник на Большой земле. А может и не появиться. Это политика, и какие силы представляет Абрамов, мне неизвестно. Уверен, что и Бэмби слабо это представляет, если представляет вообще. В общем, пока не попробуем — не узнаем. Осталось сообразить, как организовать отправку.

— Давай так и организуем, как собирался ныне покойный Сизый, — здоровяк откинулся на спинку стула, от чего тот жалобно заскрипел. — Через наркоторговцев. Поставим Кошеля задачу. Он теперь у Глобуса на хорошем счету, не только достал эксклюзивную «Эмку», но и сумел её починить, ай да молодец! У Глобуса с Подковой наверняка имеются связи с уголовниками, думаю, передачу письма они организовать в состоянии.

— Если Прокопенко в доле с Рашпилем, то вся нелегальная почта проверяется, — покачал головой Кварц. — Письмо не дойдет, а Кошель засветится. Слишком рискованно.

— Во-первых, Кошеля не жалко, — усмехнулся Медведь. — Он барыга и зарабатывает на нас неплохие деньги. Его способ делить доход далек от честного партнерства, тебе это хорошо известно. Он нас регулярно обманывает, так что пусть принесет пользу с риском для жизни. А во-вторых, Кошель хитер и жаден. Попадать на ровном месте не в его интересах, и отказываться от денег он не привык. Так что скажем ему прямо, что содержание письма есть компромат и засветка может стоить ему дорого, но зато мы хорошо заплатим ему в случае успешной доставки. Как только Абрамов данное письмо опубликует. А он наверняка его опубликует, раз правозащитник. Это же его хлеб!

— По идее да, — согласился контрразведчик. — Я скажу Бэмби, чтобы составила свой вариант сообщения. Некоторое время займет обработка, необходимые дополнения, потом она напишет конечный вариант... Думаю, через пару дней у тебя будет готовое письмо.

— Хорошо, — оценил здоровяк. — После Выброса вручим его Кошелю. Он будет рад нас видеть, бедняга ночами постоянно скучает. Будет интересно посмотреть, какую сумму он запросит за такое.

Сумма, как и ожидалось, оказалась далека от светлых идеалов скромности. Торгаш, по своему обыкновению, всячески давил на жалость, сетовал на хронический недостаток клиентов и катастрофическое падение и без того ничтожных прибылей. В общем, Медведю пришлось торговаться, и через пятнадцать секунд торга сумма была снижена вдвое, а Кошель проинформирован о том, что он получит свои деньги только после того, как адресат в Москве подтвердит доставку указанной корреспонденции. А если Кошеля постигнет неудача, то в следующий раз в магазине Водяного вообще не окажется бронепластин к «Эмке». Сообщив об этом, Медведь особо подчеркнул, что ему очень жаль. Глобуса. Как же тот без своей «Эмки»-то проживет?! А ведь в неё обязательно, обязательно попадет несколько пуль, весь ОСОП словно сердцем чует.

Кошель поник, признавая поражение, и почти честно признался, что доставку он гарантирует, но ему все-таки необходима некоторая сумма наличных, чтобы было чем заинтересовать курьеров не совать нос внутрь конверта. В итоге сошлись на десяти тысячах долларов, торговец забрал конверт и, тяжело вздыхая, побрел к своему поселению, погруженному в ночную тьму. Через два Выброса он сообщил, что договорился с кем надо и письмо уйдет на Большую землю с очередной партией «златовласки», отправка которой планируется в следующем месяце. Выбирать не приходилось, Кошелю дали добро и принялись ожидать результатов. В общем, после того собрания Бэмби и живет на Базе не взаперти и без повязки на глазах. Ей разрешено передвигаться везде, за исключением научных помещений, и все старательно делают вид, что бдительно следят за девчонкой, если рядом появляется Кварц.

Впрочем, никаких трудностей Бэмби не доставляла, если не считать появления из-за неё на Базе сменной обуви. Девчонка кашеварила на камбузе вместе с Айболитом, отмывала кастрюли-котелки-тарелки и добровольно взяла на себя обязанность драить Базу чуть ли не каждый день. Пришлось признать, что вокруг стало по-настоящему чисто, и как раз это и стало проблемой: ходить по вылизанному чуть ли не до блеска кафельному полу в грязных сапожищах было как-то неловко. Поначалу все старались топтать вдоль стен, а потом на Базу на очередные отгулы вернулась Кнопка, и всё закончилось коварным заговором. Кнопка, доктор Николаева и, разумеется, Бэмби, а также пошедшие у них на поводу Айболит со Степановым выступили с беспрецедентной по своей жестокости инициативой: на Базе необходимо ввести сменную обувь. Надо признать, для многих это стало тяжёлым ударом, особенно для Медведя. Переобуваться в чистые берцы каждый раз, когда возвращаешься на Базу, было откровенно лень. Но отговорки типа «внутри „Эмки“ обувь не пачкается» ратифицировать не удалось. Ходить по Базе в тапках нельзя, это резко увеличивает время приведения личного состава в боевую готовность, а после визита Фронтовика с этим экспериментировать не хотелось никому. Пришлось достать со склада ещё один комплект облегченных ботинок с высоким берцем, и теперь Медведь чувствовал себя школьником младших классов, возясь со шнуровкой перед и после каждого выхода на улицу.

В остальном Бэмби вела себя тихо, в свободное время возилась в своей комнате или беседовала с профессором Николаевой либо с Кнопкой, если та была на Базе. С обеими женщинами у неё быстро наладились добрые отношения, и Кнопка каждый раз приобретала для Бэмби в Сателлите что-нибудь из одежды, опасаясь покупать сразу много вещей, чтобы не вызывать лишних подозрений. Гардероб из камуфляжей и спортивных костюмов у девчонки постепенно увеличивался, и бродить по Базе в медицинском халате ей не приходилось. Требований Кварца она не нарушала, в запретные помещения не лезла и по всем вопросам обращалась либо к Айболиту, что Кварца не радовало, либо к Медведю, что Кварца радовало. А вот самого Медведя не очень, ибо девчонка умудрялась появляться как раз в те моменты, когда здоровяк собирался лишний час вздремнуть или пообщаться со своим любимым и единственным боксерским мешком. И прогнать или проигнорировать её удавалось не всегда. Вот и сейчас, выйдя из душа, Медведь обнаружил Бэмби стоящий у дверей санузла. И в её руках, что очень настораживало, не было видно полотенца. Заподозрив неладное, здоровяк попытался ускоренным шагом покинуть зону риска, но несостоявшийся шпион врага не дал ему такой возможности.

— Медведь, вы не могли бы постоять со мной на крыше? — Девчонка бодро пристроилась рядом, не отставая от него ни на сантиметр. — Можно мне немного побыть на свежем воздухе?

— Не могу! — отрезал здоровяк, увеличивая скорость. — Какие ещё прогулки по крыше в три часа ночи! Завтра рано вставать, так что всем спать!

— Завтра первый день после Выброса, — вкрадчиво напомнила Бэмби. — До обеда Базу покидать запрещено согласно вашему распоряжению в связи с экстремальным уровнем активности мутировавшей фауны. У всех будет время выспаться.

— На крыше сейчас темень крошечная! — Медведь предпринял вторую попытку. — Что там делать посреди ночи, часовому мешать?

— Подышать свежим воздухом. Я десять дней не выходила на улицу, — Бэмби опять сделала жалобные глаза. — Вы же сами сказали, что мне можно выходить подышать на крышу, и лучше ночью, чтобы я не увидела научные приборы, которые вы называете «самогонными аппаратами»...

— Сейчас не получится, у меня сменная обувь куда-то задевалась, пока Выброс шел! — мстительно заявил майор, целеустремленно вламываясь в ведущие на лестницу двери.

— Ничего страшного, я всё вымою! — успокоила его девчонка, ловким прыжком перескакивая через перила и преграждая ему путь вниз. — Как раз завтра буду делать генеральную уборку, только дождусь, когда вы людей на задание уведете!

— Чего распрыгалась как кузнечик?! — Медведь сделал недовольную физиономию и попытался обойти Бэмби, но та вновь преградила ему дорогу. — Не лезь под ноги, ещё раздавлю случайно!

— Пожалуйста, хотя бы пять минут! — не сдавалась девчонка. — Меня кроме вас никто на крышу не выводит, чтобы с Кварцем не связываться, а он только вам доверяет!

— Что за бред?! — лениво изобразил возмущение здоровяк. — Кварц доверяет всем! Кроме тебя, разумеется. И люди не связываться с ним не хотят, а уважают его рекомендации, потому что он не от нечего делать их выдаёт, и все прекрасно это понимают. Кроме тебя, разумеется.

— Я тоже понимаю! — заявила она и поникла: — Я понимаю, что я тут чужая. Но идти мне все равно некуда, поэтому я стараюсь быть хоть чем-то полезной. Вот только очень тоскливо постоянно находиться в четырех стенах, внутри бетонной коробки даже воздух другой, словно в клетке сидишь.

— Ладно, пошли, — вздохнул Медведь. — Умеешь ты на жалость надавить! — Он подумал, что надо будет осмотреть систему вентиляции, как только дойдут руки. У нас теперь есть новенькая фильтровентиляционная установка, может, приспособить её к системе... И запускать после Выброса, а то после тридцати часов сидения внутри закупоренной Базы и вправду дышать нечем.

— Спасибо! — обрадовалась Бэмби. — Я с позапрошлого Выброса на улице не была!

Она поскакала вверх по ступенькам так, что сайгак позавидует, и майор направился следом, тяжело вздыхая. В теорию Кварца о том, что Бэмби оказалась на Базе в результате хитроумных махинаций коварного Меркулова, не верил никто. Уж слишком претенциозно всё это выглядело. Сам Медведь профессионализму контрразведчика доверял полностью и его позицию поддерживал, но даже майору версия о «засланце» виделась крайне маловероятной. Уже же выяснили, что девчонка не врет, с Меркуловым незнакома, да и вообще никого толком в Ареале не знает, потому как попала сюда недавно и далеко не по своей вине. Одни только обстоятельства получения ею Зависимости уже поневоле заставляют людей проявлять к ней хотя бы малую долю сочувствия. Живешь себе спокойно, никому не мешаешь, а тут — на тебе, украли и привезли в Ареал по прихоти какого-то облеченного властью и деньгами недочеловека. Это даже обиднее, чем заработать Зуд в результате «Дезинфекции» или последующей спасательной операции — ты, по крайней мере, хотя бы по собственной воле оказался на месте событий, а её привезли силой в качестве живого товара.

На крыше было темно, но не пустынно. В небе над Базой пронеслись невидимые во мраке стаи ночных птиц, обмениваясь друг с другом чередой негромких резких криков, в развалинах Городка сновали хищники, подыскивая место для засады. С утра поток зверья к границе с Зеленой Зоны резко возрастет, и их ждёт богатая добыча. Если всё продумать заранее. Иначе одинокий охотник запросто может стать пищей для разъяренной стаи своих жертв. Однако в целом ночью после Выброса во много раз спокойнее, чем днем. Тем более что птицы не рискуют опускаться к поверхности растянутой над Базой маскировочной сети, чувствуя скрывающуюся под ней Воронку.

— Как обстановка? — тихо спросил Медведь, подходя к сидящему у перископа часовому.

— Пока нормально, — Базальт отстранился от перископа. — Но руины уже кишат, «Филин» и ПНВ дают десятки отметок. Чем ближе к рассвету, тем зверья становится больше. Фронтовика не видно, Зомби и Бродяг тоже.

— Рано ещё, — буркнул себе под нос здоровяк. — Если он собрался к нам заглянуть, то не успел дойти. С утра поглядим, чем всё это закончится. Выброс какой-то нестандартный случился, и четырех суток не прошло, давно такого не было... — Майор вопросительно взглянул на часового: — Справишься? Или посидеть с тобой, на всякий случай?

— Разберусь, — Базальт отрицательно качнул головой. — Я весь Выброс в постели провалялся, проснулся за час до окончания, до сих пор бока болят. До вечера спать не смогу. Иди, Коля, займись девушкой. Не так! — добавил он, увидев, как Медведь достает боевой нож и с кровожадной физиономией оглядывается на Володину. — Ласково! Не обижай её, ей и так от Кварца достается. К тому же ты ей нравишься.

— Перестань, — поморщился здоровяк, убирая нож. — Такую стёбную шутку испортил! — Он покосился на стоящую в противоположном углу Бэмби, задумчиво вглядывающуюся в ночной мрак Желтой Зоны. — Ей тут все нравятся, идти-то некуда, везде одна перспектива. А у нас народ сознательный подобрался.

— Это ты зря, — тихо усмехнулся Базальт. — Сознательность сознательностью, а с женщинами у нас явный дефицит. А на такую симпатяжку и в лучшие времена желающих нашлось бы хоть отбавляй. К ней никто не лезет с амурными разговорчиками только потому, что все видят, как она на тебя смотрит. Особенно после того, как ты в очередной раз её простебешь. Советую сделать выводы.

— То есть ты хочешь сказать, что Кварц полностью прав и план Меркулова увенчался успехом? Наличие одной смазливой бабы среди кучи мужиков неизбежно приводит к борьбе за неё? — Медведь саркастически скривился. — Может, и действительно стоило её пристрелить, не было бы проблемы!

— Я хочу сказать, — почти беззвучно рассмеялся Базальт, — что Лаванду в Службе Безопасности мечтал пристрелить каждый! Но Туман нашел ей более логичное применение. И проблема исчезла. Рекомендую взять его опыт на вооружение. Мы все будем за тебя очень рады!

— Да вы озабоченные, блин! — негромко возмутился Медведь. — У вас одно на уме!

— Кто бы говорил! — Базальт иронично прыснул. — Никак не вспомню, кто издевательски хохотал в ЛП-32 над Лавандой, когда после той стычки её несколько дней игнорировал Туман? Кто-то советовал ей «не теряться, проявить настойчивость и не зажимать в себе природную сексуальность»?

— То была Лаванда! — отмахнулся здоровяк. — На ней грех было не отыграться. Кто ж знал, что она окажется вполне нормальным человеком?! В ту пору её даже Байкал на дух не переносил, а его вообще ничем не прошибешь.

— Мы уже делаем ставки на Бэмби, — нарочито понимающе поддакнул ему Базальт. — Когда именно ей удастся обратить наконец на себя твое внимание. Коля, сделай одолжение, помоги девочке, а то я рискую проиграть Шороху два кило шоколада.

— Выигрыш пополам? — немедленно уточнил Медведь. — Что он тебе должен в случае победы?

— И не надейся! — отрезал Базальт. — Ничего не получишь! Вон твой выигрыш, на том углу крыши тоскует, блондинистый такой! Кстати, Коля... — пулеметчик сделал очень серьезное лицо и придвинулся к майору вплотную. — Ты обратил внимание, как она двусмысленно выглядит, когда на шпагате сидит? Это она так на тебя тайно воздействует! Завлекает в лапы Меркулова!

— Придурок! — Медведь отодвинулся от тихо хихикающего бойца. — Маньяк, блин! Правильно Айболит говорит, на этой Базе одни законченные психи! А, ну тебя! Службу тащи, Фрейд-самоучка!

Он отмахнулся от негромко ржущего Базальта и, рассерженно кривясь, двинулся к стоящей у края крыши Володиной. Вот паразиты, они уже на него пари заключают, боевые товарищи, вашу душу так! Лишь бы языки почесать! Справедливости ради стоило отметить, что на их месте он поступил бы точно так же, причем самый первый. А тут приходится быть выше столь милых сердцу забав и поддерживать психологический баланс среди оказавшихся под его командованием людей, абсолютно разных не только по характерам, но и по роду деятельности, и по привычному кругу общения. Так что тут стоит семь раз хорошенько подумать, прежде чем что-то сделать. Майор остановился в паре метров от девчонки и, тщательно избегая смотреть в сторону Эпицентра, окинул взглядом шуршащую лапами и крыльями темноту, окутавшую Базу. После того случая Фронтовика Медведь больше не

видел, и даже при движении по направлению к Эпицентру всегда отворачивал голову. Это несколько успокоило расшалившиеся нервы, и даже Айболит признал его если не здоровым, то «находящимся в норме». Однако проверять, вернутся ли зловещие видения, здоровяк очень не хотел. Хорошо хоть внутри Базы можно было смотреть куда угодно, не вздрагивая от страха быть замеченным жуткой аномалией за десятки километров...

— Воздух здесь совсем не такой, как дома, — негромко произнесла Бэмби. — Даже в Зеленой Зоне всё не так, как тут. — Она подняла голову и посмотрела сквозь маскировочную сеть в утонувшие в чернильном мраке небеса: — И неба совсем не видно...

— Небо в Желтой Зоне на ночь чернеет, — задумчиво ответил Медведь. — И запахи тут другие. Растительность мутировала и пахнет иначе. Потому и воздух кажется не таким. По составу он никак не отличается от обычного. Говорят, без противогаса только в Эпицентре дышать нельзя, но единственный человек, который может это подтвердить, сидит сейчас запертым в каком-то ведомственном НИИ.

— Вы про Болта? — уточнила Бэмби. — Мне Кнопка рассказывала о нем. Единственный человек в мире, которого не поразило Зависимостью. Странно, что я ни разу не слышала о нем, пока работала в «Неравнодушных». Абрамов бы обязательно ухватился за такую информацию, это же чудовищное нарушение всех прав — держать ни в чем не повинного человека в лаборатории, словно подопытное животное!

— Ну, почему же не повинного? — усмехнулся Медведь. — Он очень даже виноват! Его вина в том, что у него, ничтожного человечки, Зависимости нет, а у великих и ужасных сильных мира сего она есть. Это преступление перед властью имущими. Жаль, что информация о нем не дошла до вашего Абрамова, согласен. Мужик он хороший, не заслужил такого.

— Я написала о нем в письме, которое пытается передать кто-то из ваших друзей, — девчонка прислушалась к отрывистым крикам невидимых в темноте птиц. — Скажите, Медведь, каковы шансы, что оно действительно попадет в Москву?

— Сложно сказать, — пожал плечами здоровяк. — Зависит от степени любопытства курьеров. Наркота через Нейтралку течет — только в путь! Так что само по себе передать маляву на Большую землю есть дело совсем не сложное. Но если кто-нибудь засунет нос в конверт, то вряд ли письмо дойдет, наркоторговцы не заинтересованы в том, чтобы кто-то наступил на хвост их партнерам, обеспечивающим транзит «златовласки» из Ареала далее по стране. Вот если наш человек сможет правильно промотивировать курьеров и они не станут вскрывать конверт, то послание дойдет. Сто процентов. Просто раньше нам не приходилось сталкиваться с такой необходимостью. Из Ареала никому из нас не выбраться, все мы вне закона и в розыске. Семьи почти у всех погибли при Катаклизме, остальных быстренько бросили из-за Зависимости и Полтергейста. Нам просто некому слать письма.

— Я за маму беспокоюсь, — вздохнула девчонка. — Она переживает сильно, я же официально пропала без вести. Хотя бы сообщить ей, что я жива, у неё сердце слабое... И ещё я мечтаю отомстить Прокопенко! Если бы не он, я бы никогда...

— ... не вылечила позвоночник! — закончил за неё Медведь. — Умей видеть и хорошие стороны в том, чего изменить не в силах. Помогает выживать там, где выживать не хочется.

— Мне всё ещё не верится, что позвоночник полностью восстановился, — призналась Бэмби. — Каждый раз, когда я делаю сложное упражнение, ожидаю вспышку боли. Как жаль, что таких лекарств не существует вне Ареала! Мне бы их два года назад, когда я едва на инвалидном кресле не оказалась! Всё могло бы сложиться иначе...

— Всё сложилось так, как сложилось, — хмыкнул Медведь. — Как говорится, за всё надо платить. Хотите излечиться от рака, паралича и прочих прелестей Большой земли — милости просим к нам в Ареал. В награду за упорство каждому страждущему выдается Зависимость. Не устраивает — оставайтесь дома. Но в таком случае нечего жаловаться.

— Вы правы, но... — Бэмби умолкла, подбирая слова. — Как-то это всё не по-доброму... Почему в жизни никогда не бывает всё хорошо? Неужели обязательно что-то должно быть недоделано?

— Один умный человек когда-то очень давно сказал, что без зла люди бы не смогли оценить добро, — философски заметил Медведь. — Им просто не с чем было бы сравнить. Возможно, он прав,

хотя лично я ничего не имею против того, чтобы все жили, не оценивая добра и считая, что оно само по себе разумеющееся положение вещей. Лишь бы только зла не было вообще. Но лично мне думается, что люди сами виноваты в том, что всё обстоит так, как есть. Всё, как ты выразилась, недоделано потому, что основная масса народа не желает доделывать.

— То есть как это? — девчонка непонимающе нахмурилась. — Что значит, не желают доделывать?

— То и значит, — усмехнулся Медведь. — Подавляющее большинство заботится только о себе, но даже этого оно не желает делать в полном объеме. Набили брюхо, купили шмоток, исхитрились обзавестись жильем — и всё, все довольны, счастье наступило. Большого никому уже и не требуется, глобальными проблемами заниматься лень. Вот, смотри! Наши ученые пытаются обратить вспять Ареал, избавить всех, заметь, всех, а не только себя, от Зависимости и попутно решить проблему дармовой электроэнергии в масштабах планеты. И кто им во всем этом оказывал содействие? Никто. Они работали в престижных научных университетах, потом приехали в ГНИЦ, после Катаклизма оказались в ЦИАП, но их работы были никому не нужны. Власть имущие пытались закрыть исследования, так как это угроза нефтяной кормушке, обычные люди не желали связываться, потому что своя рубашка ближе к телу. В результате ученым помогаем мы. Помогаем, как можем, ведь мы от науки весьма далеки. Но нас не сто тыщ, а всего лишь несколько человек. А сколько народа живет в Ареале? Уже чуть больше тридцати тысяч. Кто из них потребовал от РАО возобновить исследования Ареала? Никто. Все возмущены только ценами на еду, воду и шмотьё, не насущные проблемы их не волнуют. ЦИАП занимается лишь «Иксом», и всем плевать. Если кто и недоволен, то я о таких не слышал. Значит, их слишком мало. То есть большинству безразлична собственная же судьба. Огромная куча трутней только и ждёт, когда им поднесут что-нибудь на блюдечке. Вот мы наладили оповещение о Выбросе. Думаешь, кто-нибудь за это Водяному принес бесплатно хоть один мет или осколок? Просто так, в качестве «спасибо»? Никто. Зато в чем я железобетонно уверен — так это в том, что если мы вдруг прекратим давать оповещение, много кто явится к Водяному возмущаться — мол, что это вы перестали предупреждать?! Я на вас понадеялся и чуть не погиб! Раз оповестили разок-другой, то всё, теперь обязаны продолжать! Типа, аудитория требует!

Медведь презрительно усмехнулся и махнул рукой в знак бесполезности дальнейших разговоров.

— Беда большинства в том, что они только и хотят, что требовать и получать всё на халяву, — подытожил он. — Именно поэтому у большинства мало что есть, и никогда намного больше не станет. Ибо словами горю не поможешь. А на серьезные дела они не способны. Зато те, кто способен, далеко не всегда испытывают непреодолимое желание тащить на своем горбу эту безразмерную кучу трутней. Я бы совершенно не удивился, если бы способ оповещать о Выбросе нашли не мы, а какая-нибудь другая группировка, и она стала бы оповещать исключительно за деньги. Ради этого они и ищут в мыле наш передатчик по всей Зеленой Зоне с самого первого выхода в эфир. Хотят забрать себе и, так сказать, монетизировать столь эксклюзивную возможность. Теоретически это вполне реализуемо: какая-нибудь адресная рассылка на ведомственные мобильные устройства за отдельную плату. Или что-то подобное, уж я не знаю. Была бы возможность заработать, не прилагая труда — а желающие заработать, не работая, всегда найдутся. Именно потому в мире всё так, как есть.

— Всё так плохо? — загрузила Бэмби. — И ничего в нашей жизни не изменится?

— Конечно, изменится, — успокоил её Медведь. — Вот получит Абрамов твое письмо, посадит в тюрьму Прокопенко, и ты поедешь жить в Сателлит и откроешь там гимнастическую школу. Это позволит жителям города приобщиться к здоровому образу жизни, а моя База избавится от крайне неудобного раздражителя. Заодно ты сагитируешь ЦИАП бросить возню с нефтью и заняться ремутацией Ареала. Словом — одни плюсы. Всё, хватит дышать, марш внутрь! Мне спать пора.

— Можно ещё пять минут? — взмолилась Бэмби. — Когда ещё в следующий раз удастся так...

— Бегом марш в койку! — перебил её здоровяк. — Дважды за один день ты меня на жалость не разведешь, и не надейся. Мала ещё! Завтра я тебя выгуляю, так и быть. Если не забуду.

— Я вам напомню! — Бэмби озарилась счастьем. — Можно?

— Нельзя! — рывкнул майор. — А ну, брысь! Умчалась в свою комнату резво, или будешь сидеть взаперти ещё два Выброса! Я тебя быстро научу, что спорить со старшим по званию есть занятие неблагодарное! Особенно когда он мечтает поспать!

Крайнюю фразу здоровяк вещал уже в пустоту ночного мрака, изрядно веселя затихшего на посту Базальта. Часовой усиленно делал вид, что его абсолютно не интересует происходящее, пряча в темноте довольную ухмылку. Заметив взгляд начальства, Базальт сделал каменную физиономию и уставился в перископ. Судя по звуку торопливо стучащих по ступенькам шагов, Бэмби в этот момент была где-то в районе минус первого этажа, и Медведь смог вздохнуть спокойно. Убедившись, что дисциплина на Базе вновь стремится к недостижимому уровню, Медведь на всякий случай сурово воззрился на часового, после чего отправился к себе.

Добравшись до своей комнаты, майор улегся спать, но заснуть ему удалось далеко не сразу, разговор с Базальтом никак не выходил у него из головы. Пулеметчик, конечно же, не лгал, и если никто не пытается строить глазки Бэмби исключительно из-за него, Медведя, значит, так оно и есть. И сознательность тут действительно не при чем. А это значит, что он ошибался, когда считал, что все смотрят на девчонку так, как Кварц или он сам. Интересно, что теперь со всем этим делать... Не хотелось бы ошибиться ещё раз, однако! Если он не станет любезничать с Бэмби, рано или поздно остальные сделают выводы со всеми вытекающими отсюда действиями. Как бы на этой почве люди не разругались. Об этом Кварц предупреждал сразу. Да и без его аналитики несложно догадаться. Одно дело Кнопка и Водяной, они муж и жена, совсем другое — свободная девушка, оказавшаяся среди мужского коллектива в Ареале, в котором из каждых тринадцати человек женщина всего одна. Тут может запросто возникнуть конфликт интересов, даже если она сама кого-то выберет. Что и происходит регулярно по всей Зеленой Зоне. Женщины по, разумеется, необъяснимой случайности предпочитают сходить с руководством и прочими лидерами. Обиженный народец попроще тоже, разумеется, по необъяснимым причинам заявляет, что их избранники влияют на женский выбор своим положением в обществе, тем самым заставляя несчастных дам предавать свои чувства. Майор саркастически ухмыльнулся. Ну, надо же, какая сложная у людей жизнь! И теперь эти сложности добрались и до его Базы.

— Даешь каждому по симпатичной гимнастке! — пробурчал Медведь. — Пушай на шпагатах сидят...

В другой ситуации он бы разрешил эту проблему в пять секунд — предложил девчонке выбор, тем более что Бэмби такое предложение не в новинку. Она бы, как обычно, отказалась, и выгонять её, конечно, никто бы не стал. Но зато каждый был бы, так сказать, официально оповещен о незаинтересованности Бэмби в пикантных нюансах взрослой жизни. Сейчас же задача оказалась посложнее: выходит, что Бэмби поглядывает как раз на него самого, и предложи ей выбирать — может и выбрать. И, поди пойми, что у неё в голове, эмоции или холодный расчет? Если, не хотелось бы, конечно, но всё-таки Кварц окажется прав, то дело будет совсем дрянь. Привязаться к вражеской марионетке — из такого выйдет большая беда. Медведя и без того терзает нехорошее предчувствие, с тех самых пор, когда ОСОП начал оповещать всех о Выбросе. Странное и неприятное ощущение — сам всё это затеял, а теперь жалеет... Даже поговорить об этом с кем-нибудь стыдно. И ведь дело-то хорошее делаем, людей спасаем, но вот что-то тяжелое копится где-то в глубине души, и толком не понять, что же это. Как бы Кварц не оказался во всём прав.

Майор тяжело вздохнул и закрыл глаза. Нет, ерунда всё это, просто нервы шалют из-за Фронтовика, и чего только ему от меня надо?! Оставила бы ты человека в покое, злобная аномалия! С собачкой своей в мячик сыграй, у тебя такая милая псина, просто слов нет! Обязательно, что ли, охотиться именно за ним, мало в Ареале народа, что ли?! Медведь болезненно потер подбородок. Так дело не пойдет. Не может быть абсолютно всё плохо, что-то должно быть хорошее... Должно. Надо увидеть плюсы в любой ситуации, он же сам только что поучал Бэмби. Что со всем этим делать, будем думать завтра, утро вечера мудреней. Надо бы побыстрее передавать письмо Абрамову, пусть он закрывает Прокопенко в СИЗО и забирает Володину в Сателлит, проводить совмещенный чемпионат Ареала по гимнастике и защите прав человека. А то некрасиво как-то получается со всеми этими амурными делами. И самое хреновое во всём этом то, что девчонка Медведю действительно нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную версию на сайте www.tarmashev.com